

АБОРИЖЕНАМИ КОЛЬСКОГО СЕВЕВЕРА

Иван УШАКОВ, краевед

До прихода русского населения на Кольском полуострове обитали три племенные группы предков современных саамов — терская лопь (по восточному побережью), лопь Верхней земли (в центральной части полуострова) и кончанская лопь (по Мурманскому берегу, к западу от реки Териберки). Лопь жила небольшими общинами — погостами, каждый из которых владел определенной территорией. Земли возле Кольского залива занимал погост Муномаш, позднее получивший название Кильдинский. На территории этого погоста в XVI веке возникла Кола, а в 1916 году — город Мурманск. Настоящие заметки посвящены дореволюционной истории Кильдинского погоста.

I. ДРЕВНИЕ КИЛЬДИНЦЫ

В трех километрах от города Полярного, на Кольском заливе, находится остров Большой Олений, на котором первобытные жители хоронили умерших сородичей.

В 1928 году Оленеостровский могильник изучал археолог А. В. Шмидт. Он вскрыл одиннадцать погребений, давших обильный материал о занятиях и верованиях древних лапландцев.

В первой раскопанной могиле лежал мужчина в деревянной колоде; в правую его руку вложен кремневый кинжал, в левую — костяной гарпун, какими били морских зверей; под головой умершего — костяной нож для бытового пользования, четыре костяных лощила для выделки шкур, четыре проколки (шила), роговой гребень для расчесывания волокон (на изготовление пряжи для сетей), две тонкие костяные иглы, кинжал с резным орнаментом, кремневый наконечник стрелы, пять скребков, отщепы из кварца и кремнистого сланца, пластинка из клыка бобра, куски глиняного сосуда, глина с примесью асбеста для изготовления горшков, птичьи кости.

Набор вещей ясно говорит о том, что главными занятиями древних оленеостровцев были рыбные и зверобойные промыслы.

Интересно погребение номер 7. В нем, по описанию археолога, похоронен мужчина большого роста, рядом с ним искусно обработанные изделия — положены прекрасно изготовленный костяной нож, много гарпунов и кремневых наконечников стрел с пильчатыми краями. Обращают на себя внимание два предмета — костяная колодушка от шаманского бубна и единственное во всем могильнике изделие из металла — медный наконечник копья длиной в шесть с половиной сантиметров. Ученые считают, что это похоронен старейшина (вождь) родового коллектива, совмещавший и функции служителя шаманского культа.

Находка медного наконечника позволяет относить Оленеостровский могильник к эпохе раннего металла (конец II — начало I тысячелетия до нашей эры).

В 1947 году Н. Н. Гуриной были найдены стоянки оленеостровцев на соседнем острове Екатерининском. Их исследование дало много дополнительных сведений о быте древних обитателей этой местности.

По черепу, взятому из Оленеостровского могильника, известный ученый М. М. Герасимов создал скульптурный портрет женщины, жившей на берегах Кольского залива три тысячи лет назад (находится в Мурманском областном краеведческом музее).

II. ДАНИКИ ДВУХ ГОСУДАРСТВ

В VIII веке Кольский полуостров, населенный лопью (волость Тре, или Терская земля), вошел в состав владений Новгорода Великого — крупнейшего государства периода феодальной раздробленности Руси.

На лопские земли претендовали и правители Норвегии. В 1251 году норвежцы и русские заключили договор, согласно которому вся территория проживания лопи составляла общий округ обоих государств: русские получили право собирать дань с лопарей Финнмаркена (Северная Скандинавия) вплоть до Люнген-фьорда, а норвежцы на равных основаниях — с лопарей Кольского полуострова. При этом ни те, ни другие не могли брать с каждого лука (охотника) более пяти белых шкурок.

Это соглашение неоднократно нарушалось. Шайки скандинавских "искателей добычи" приходили на Кольский полуостровские войска лопарей. В ответ новгородские войска совершали походы в Северную Норвегию.

С падением самостоятельности Новгорода, в 1478 году, волость Тре вместе с другими его владениями перешла под власть Москвы.

В 1496 году в Лапландии побывал русский дипломат Григорий Истоме, который так описывает жизнь лопарей: "В качестве дани они платят меха и рыбу, потому что другого у них нет. Заплатив же годовую дань, они хвалятся, что никому более ничего не должны и живут независимо... Все они весьма искусные стрелки, так что, если находят на охоте каких-нибудь благородных зверей, умерщвляют их стрелой, пушеной и морду, чтобы получить шкуру целую и неповрежденную... Они охотно принимают купцов, которые привозят им платья из толстого сукна, а также топоры, иглы, ложки, ножи, кубки, муку, горшки и прочее... Они носят платье, которое шьют сами из шкур разных зверей, и в таком одеянии иногда являются в Московию... Золотой и серебряной монеты они не употребляют вовсе, а довольствуются только обменом предметов... Свои шалаши покрывают они древесною корою и нигде не имеют определенных жилищ, но, истребив на од-

ном месте зверей и рыб, переселяются в другое".

В середине XVI века на Мурманском берегу возник международный торг. Сюда покупать русские товары стали приезжать голландцы, англичане и другие иностранцы. Лопари продавали им семгу, треску и пушнину. У них появились серебряные деньги. Оба государства, взимавшие дань с лопарей, не замедлили повысить размер платежей. Норвегия, к тому времени уже входившая в состав Датского Королевства, требовала по 16 копеек с лука, а Россия — по 18 с половиной копеек (или натурой — 37 белок).

В 1591 году датское правительство вместо луковой дани ввело поголовщину и установило новую норму платежей — по 30 копеек с каждого плательщика дани. Сверх того сборщики дани взимали большие поборы в свою пользу (формально — на питание и проезд). Податное бремя стало невыносимым.

22 июля 1595 года кильдинцы отправили датскому королю Кристиану IV челобитную, в которой жаловались на норвежского чиновника Юсипа (Иосифа) Мартенсона и его помощников, берущих с них помимо удвоенной дани по нескольку хлебов, а также мясо, рыбу и меховые постели, при этом "тот данщик Юсип емлет подводы (оленьи упряжки) сильно, бьет и мучит нещадно...

в железа кует и на мороз мечет... емлет корму много, не по старине. И нам, — обращались лопари к королю, — от их насильства прожить вперед не мочно. Государь, смилуйся!"

Двоеданство кильдинских лопарей прекратилось лишь в 1602 году, когда датские власти не пропустили русских сборщиков дани в Финнмаркен, а кольский воевода в ответ на это запретил въезд королевских чиновников в Российскую Лапландию.

III. ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА

В 20-х годах XVI века в Скандинавских странах на смену католицизму пришло лютеранство, которое на Руси рассматривали как опасную ересь, способную поколебать устои общественного порядка. Чтобы воспрепятствовать распространению лютеранства на Кольском полуострове, русское духовенство с одобрения правительства направило в Заполярье проповедников православия, которые должны были приобщить язычников-лопарей к "русской вере".

В землях кильдинских лопарей, близ устья рек Туломы и Колы, поселился соловецкий монах Феодорит. Он прожил здесь несколько лет, вполне овладел лопарским языком и стал учить лопарей "пути спасения" — разъяснял им, как избежать вечных мучений в аду. Миротлюбивый труженик, Феодорит пользовался уважением местного населения. Князь А. М. Курбский, хорошо знавший Феодорита, с его слов так характеризует лопарей: "Людие зело (очень) просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства не искусны, ко спасенному же пути тщаливы и охочи зело".

Познакомившись с учением Христа и обрядами православной церкви, лопари изъявили готовность принять крещение. Никоновская летопись под 1532 годом сообщает: "Тоя же зимы с Колы реки, с Туломы, прихаша в Великий Новгород лопляне Мурманского моря и били челом (просили) пресвященному Макарию... прислать священников цветитесь Божия свещати и самим просветитесь святием крещением". Архиепископ отправил к лопарям "от соборная церкве святой Софеи священника и диакона", которые освятили храм Благовещенья и крестили "лоплян... в нашу православную и святую веру". Феодорит перевел на лопарский язык наиболее употребительные молитвы, научил некоторых лопарей "писанию".

Принятие православия способствовало сближению лопарей с русскими людьми, в первую очередь с крестьянами, поселившимися в устье реки Колы. Между единовременными жителями края — лопарями и русскими — стали совершаться браки, заключаться побратимство (обряд обмена нательными крестами в знак прочной дружбы и взаимопомощи) и торговые соглашения, усилился взаимовыгодный товарообмен. Лопари сдавали русским промышленникам неиспользуемые ими рыболовные угодья.

Принятие христианства явилось новым этапом в социальном и духовном развитии лопарского народа. В сознание лопарей входили иные представления об окружающем мире, закреплялись отношения частной собственности в распоряжении угодьями.

Обращение лопарей Кольского полуострова в православную веру позволило отвергнуть претензии Датского Королевства на Российскую Лапландию.

На снимке: древняя жительница Оленьего острова в Кольском заливе. Скульптурный портрет М. М. Герасимова.

(Продолжение следует.)

АВТОРИТЕТНЫЙ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Иван УШАКОВ, краевед

4. ПОГОСТ "МУНОМАШ" В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Первые подробные сведения о кильдинцах относятся к 1608 году, когда царский писец Алай Михалков провел учет тяглового (податного) населения Кольского уезда. В составленной им писцовой книге сказано: "Погост Муномош стоит над ручьем над Ростьем (ныне это северная часть города Мурманска), а в нем живут лопари крещеные, тяглые... 15 веж, а лопарей в них 42 человека". Это взрослые лопари-налогоплательщики. Все они именованы: Олешка Федоров сын, Родка Прокофьев сын, Ефимка Фадеев сын и т. д. Двое имели прозвания: Гришка Турьялец и Петрушка Литтей. Это, вероятно, выходцы из других мест, поселившиеся в Муномаше.

В числе угодий, принадлежащих муномашским лопарям, указаны тоня Якушка Шариева "Усть Ваенские губы" — место современного города Североморска, "Тоня Семенова корга", которая "была прежде сего... муномошского лопина Осипка Семенова сына Корожного"; здесь в 1915—1916 годах возник Мурманский торговый порт.

Погосту принадлежали все угодья в низовьях рек Колы и Туломы, по берегам Кольского залива и земли восточнее его, включая реку Териберку. На речках и лесных озерах лопари ловили "белую рыбу, а на тонях красную рыбу семгу овдами и гарвами" (ставными сетями). Остров Кильдин считался государевым владением, за лов рыбы на нем лопари платили в казну оброчную подать (30 копеек в год), но были освобождены "по государевой жалованной грамоте" от десятины — промыслового налога в размере десятой части добытой рыбы.

Муномашские лопари имели два поселения — зимний погост на речке Росте и летний погост на острове Кильдин. В Росписи лопарским погостам 1623 года говорится: "А живут на том острове кильдинские лопари летом для рыбного промыслу трески и палтуса". Погост по-прежнему назван "Муномашским", но вместе с тем появился термин "кильдинские лопари". В писцовой книге 1608 года указано Кильдинское становище как место промысла муномашских лопарей: "У Кильдина острова, выезжая в море в карбасах, удят треску и палтус".

В книге голландца Яна Линсхотена, описывающей путешествие в Ледовитый океан, есть зарисовка летнего Кильдинского погоста, сделанная в конце июня 1594 года. С документальной точностью и большим мастерством на гравюре показаны 16 лопарских веж (жилых шалашей), палатка сборщиков даней и пошлин; они одеты в русские кафтаны; лопарка несет им мех, вероятно, в уплату дани. Художник отразил бытовые детали: над семью вежами выходит дым — на кострах готовятся горячая пища; двое подростков несут в котле питьевую воду; на берегу видны промысловые лодки; в кучи сложены связки сушеной рыбы, приготовленной на продажу, часть улова проветривается на сушильнях; двое лопарок чинят снасти; изображены собаки на привязях, олени — один в упряжке, другой на воле. Позади погоста — озеро Могильное. На море — иностранные корабли и русские лоды. Весьма выразительная картина летней жизни кильдинцев!

В начале XVII века муномашские лопари платили в государеву казну дани и промыслового сбора с семужьих ловель по 63 копейки с лука, всего — 9 рублей 2 с четвертью копейки в год. Кроме того, "с тех лопарей с 15 человек" взималось в царскую казну прежняя "дань датского короля" в размере 5 рублей 10 копеек в год. О реальном значении этой суммы можно судить по тому, что семга в 1608 году продавалась на Мурмане по цене "сто рыб по 12 рублей".

5. В ГОСУДАРЕВОЙ ВОТЧИНЕ

В середине XVI века в землях Кончанской лопи возникли русские поселения Кола и Печенгский монастырь. Дания сошла это ущемлением ее прав на Лапландию. Она стала препятствовать торговле русских с англичанами и голландцами на Мурманском берегу. Датская эскадра захватывала на море купеческие корабли

с товарами. Чтобы упрочить свое положение на Мурмане, русское правительство в 1583—1584 годах построило Кольский острог — деревянную крепость и направил сюда отряд стрельцов.

Между Россией и Данией начался дипломатический спор о правах сторон на владение Кольским полуостровом. Иван Грозный укорял датского короля: "Твои люди... приезжая из Варгава (ныне — Варде) в Колу, называти почали те наши земли своими... и то пригоже ли дело... задиратися, в наши земли в искони вечные вступатися?"

Торг с иноземцами царь перевел с Мурманна на Двину, к вновь основанному в 1584 году городу Архангельску. В ответ на протест датчан им пояснили: "В Коле волости... торгу быти не пригоже: то место убогое".

Однако наибольшую опасность для края представляли не датчане и норвежцы, а шведы, которые поставили своей целью истребить все русское население на Кольском полуострове. В 1589—1591 годах они дважды штурмовали Кольский острог, но потерпели поражение.

В тревожное время иностранных вторжений кильдинцы вели наблюдение на взморье, с тем чтобы в случае появления врага немедленно известить о том колян. Лопари ездили также на шведский рубеж "проведовать", не ведутся ли там приготовления к нападению на Российскую Лапландию.

Борис Годунов, вступив на престол, решительно отверг притязания Дании на Кольский полуостров, заявив: "Лопская земля искони вечная вотчина царского величества..."

С постройкой Кольского острога на кильдинских лопарей легли две новые повинности — участвовать в починке городских укреплений ("городовое дело") и перевозить служилых людей и казенные грузы ("ямская гоньба") на участке от Колы до Масельги.

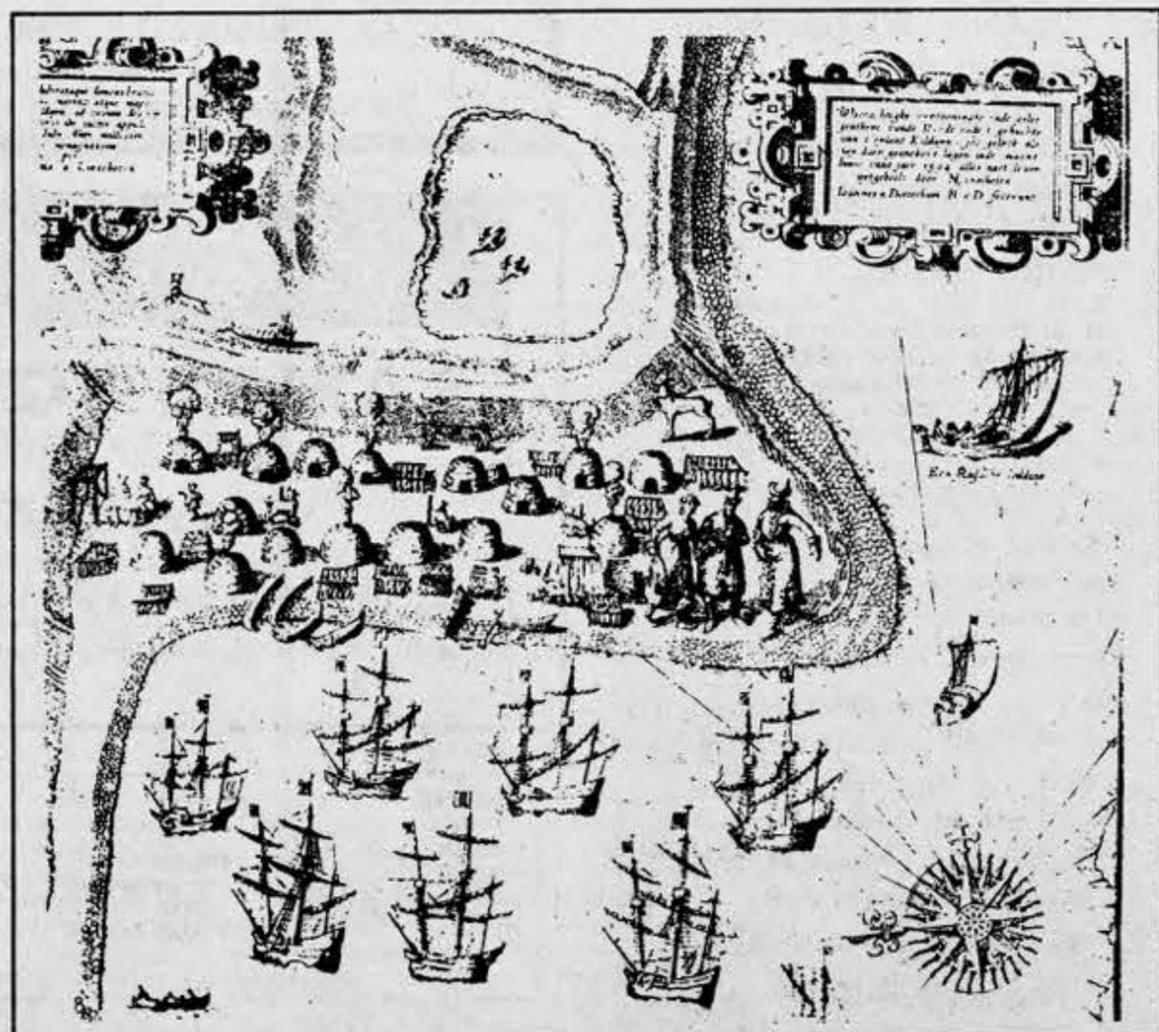
Как и в остальной России, на Кольском полуострове развивался феодализм. Северо-западные погосты — Печенгский и Мотовский — Иван Грозный в 1581 году пожаловал Печенгскому монастырю "в крестьян место" (то есть в крепостное состояние). Восточные погосты — Понойский, Иокангский и Семиостровский — стали вотчиной Воскресенского и Крестного монастырей. Остальные лопари, жившие ближе к ямскому тракту, связывавшему Кольский острог с Поморьем, остались в государевой вотчине на положении черносошных крестьян (находящихся в "государевом тягле").

Наиболее обременительной повинностью являлась ямская гоньба. Владея обширными угодьями, кильдинцы избавились от нее путем соглашения с печенгскими монахами. По договору 26 августа 1650 года лопари уступили Печенгскому монастырю в пользование обильные семужьи ловли — "Териберская и Воронейское згодье", за что монахи обязались ставить вместо лопарей "подводы олени из Кольского острогу до Масельги и по Туломе вверх и в Терскую сторону до их Кильдинского зимнего погоста".

Тяжелым ударом для лопарей явилась мобилизация их в армию на войну с Польшей в 1655 году. С Кольского полуострова взяли 115 человек — самых здоровых и опытных в стрельбе, в том числе из муномашского погоста — 15 человек, то есть по человеку из каждой вежи. Сколько из них вернулось домой, неизвестно. В последующие годы в платеже поголовной дани возник недобор почти 3/4 прежней суммы. Кольский воевода так объяснял причину сокращения денежных поступлений: "Доимка залегла на лопарех потому, что лопари из Кольского острога иманы были в 163 (1655) году на службу в Литовскую землю и многие там померли, и тое дани... сполна платить некому".

Почти непосильным бременем легла на плечи трудового населения России Северная война (1700—1721). Лопари, помимо обычных поборов (поголовщины по 20 копеек с мужской души, дани по 50 копеек с лука), платили в казну государя вновь введенные сборы: рекрутские, подводные, адмиралтейские, гривенные, новонакладные, полуполтинные, которые в 1712 году составили сумму 2 рубля 64 копейки с каждой вежи. Ежегодно добавлялись новые сборы.

(Окончание в следующем номере.)

АБОРИГЕНАМ

КОЛЬСКОГО СЕВЕВЕРА

Иван УШАКОВ, краевед

(Продолжение. Начало в №№ 156, 161.)

Предписывалось, например, взыскать: "на покупку драгунских лошадей и на фураж по 5 алтын по 4 денги с вежи; да вместо брянского провианта и на струговое дело (кораблестроение) по 8 алтын по 4 денги с вежи; да вместо рабочих людей, которым быть в Санкт-Петербурхе в нынешнем 1712 году по 20 алтын с вежи и всего по 34 алтына по 2 денги. Итоги с вежи по 5 рублей и по 5 алтын" (алтын — 3 копейки, денга — полкопейки).

Согласно подворной переписи 1711 года, в погосте Муномаш, который стоял "на Ваинском озере", числилось 5 веж и 33 человека лопарей мужского пола. По окладу 1712 года они платили с каждой вежи по 10 рублей 72 копейки разных податей и сборов, не считая промысловых, торговых и прочих пошлин.

Ржаная мука продавалась на Мурманском берегу в 1710 году по 20 копеек за пуд (16,4 кг); пуд вяленой семги стоил 50 копеек; треска — 1 копейка за рыбу; большая оленья шкура — 60 копеек, рыболовное судно — 2 рубля 30 копеек.

Несмотря на непомерное налогообложение, Кильдинский погост пережил войну без убыли населения, тогда как ряд погостов Терской лопи обезлюдели (Каменский: "Было 8 веж, и ныне тот Каменский погост пуст и жителей лопарей в нем никого нет"; Тулванский: нет всех 9 веж, "люди померли, а иные разбрелись порознь"; Пурнацкий: из 9 веж осталась одна, в ней 6 человек и т. д.).

По окончании войны Петр I отменил взимание прежней дани и разных экстренных сборов. С 1722 года с лопарей, как и с русских крестьян, стали брать подушную подать в размере 1 рубля 14 копеек в год с мужской ("ревизской") души. В Кильдинском погосте в это время насчитывалось 34 души, которые платили годовой подати 38 рублей 76 копеек (вместо 53 рублей 60 копеек в 1712 году).

6. УКЛАД ЖИЗНИ

Веками лопари приспособлялись к природно-климатическим условиям Заполярья. На основе опыта многих поколений выработался наиболее рациональный способ существования. В самом общем виде он сводился к периодической смене занятий и мест обитания: зимою кильдинцы пребывали там, где имелось топливо, весной, после отела оленей, шли к морю на рыбные промыслы; в конце лета переселялись на озера, которых на территории погоста насчитывалось 28; по первому снегу собирали вольно гулявших оленей, и на Рождество все возвращались в свой зимний погост.

Основные средства к жизни кильдинцы получали от рыболовства. Оленей держали только для транспортных нужд. Потребности в мясе и шкурах удовлетворяли преимущественно путем охоты на диких оленей, пока они водились в тундре. Озерную, так называемую "белую" рыбу — сига, щук, окуней, налимов и т.п. — употребляли на собственное питание, отчасти продавали колянам, а более ценная "красная" рыба — семга — почти вся шла на продажу, так же как и треска, выловленная на Мурманском море.

В 1785 году архангельские власти провели по особой анкете опрос лопарей, когда и чем они занимаются ("упражняются"), какие имеют источники дохода, сколько чего продают и т. д.

В Кильдинском погосте в это время проживало 14 семейств (65 человек обо-

его пола) — Антоновы, Колданцовы, Собакины и другие, у которых, по подворной переписи, оказалось 178 оленей. Отмечена убыль одной семьи (три души мужского пола): зажиточный лопарь Алексей Чапуров женился на колянке Параскеве — дочери отставного капрала Ульянова, приписался в мещанство и переехал с семьей жить в город Колу.

Главное занятие кильдинцев — тресковый промысел: "На море промышляют в своих удебных судах, называемых шняками"; продают в Кильдинском становище около 500 пудов трески, палтуса и пикши. Семги вылавливают и продают купцам около 50 пудов. Кроме диких оленей и куропаток, на тундре промышляют "медведей, волков, лисиц, белок, горностаев и зайцев"; около месяца перед Новым годом "в Филиппове посте промышляют на торосах нерпу и зайцев стрельбою из ружей". О домашних работах кильдинцы дали такое пояснение: "Зимою упражняются только в делании для себя кереж (саней для езды на оленях), в вязке неводов и сеток... Женки и девки упражняются в пряже для сеток и неводов из конопли и льну и для вязки чулков (в прядении) шерсти". Годовой доход одинокого работника составляет 30 рублей, целой семьи — до 60 рублей.

В местах рыбного промысла лопари по-прежнему ставили вежи — постройки летнего типа, используемые преимущественно для сна и укрытия от непогоды. В зимних погостах вежа утеплялась изнутри шкурами, а снаружи — толстым слоем дерна. В середине XVIII века начался переход к тупе — бревенчатой постройке, более просторной и отапливаемой не костром, а широко открытой печью — камельком. Однако в тупах жили немногие, самые богатые лопари. Домашняя утварь в лопарском жилище состояла из медных (позднее чугунных) котлов для варки пищи, деревянных ковшей, блюд, берестяных туесков-солонок, берестяных скатертей.

Одеждой зимою служил печок — особого покроя шуба из оленьей шкуры, а летом — у мужчин кафтаны, у женщин сарафаны из разных тканей, обычно приобретаемые у русских торговцев.

Отправляясь на охоту или в дальнюю поездку, лопарь имел при себе нож и трутоношу — костяной футляр, в котором хранились принадлежности для получения огня: огниво (стальная пластинка), кремь, трут (высохший "березовый гриб"), кусочек серы, несколько смолистых щепочек или другой легко воспламеняющийся материал.

Финский лингвист М. А. Кастрен, ехавший в 1842 году в Колу, рассказывает: "Любопытно видеть, как быстро русский лопарь разводит огонь: нащипает несколько лучин, сломит несколько сучьев, расколлет два-три чурбана, уставит и уложит все это вокруг смолистого пня, и огонь готов". Вследствие малочисленности домашних оленей ягельники близ погостов выедаются медленно и потому, сообщает Кастрен, лопарские селения "могут десятки лет оставаться на одном месте". Ученый отметил необыкновенную жизнестойкость лопарей: "Суровая, непреодолимая природа заставляет их много хлопотать и трудиться... Лопарь одарен завидной способностью переносить все труды и бедствия с ненарушимым спокойствием".

(Продолжение следует.)

АВТОРИТЕТНЫЙ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Иван УШАКОВ, краевед

(Продолжение. Начало в №№ 156, 161, 162.)

7. ПЕРЕМЕНЫ К ЛУЧШЕМУ

В середине XVIII века промысловая обстановка на Мурманском море резко ухудшилась. Треска подходила к берегам позднее обычного и в меньшем количестве. Монополию на скупку звериного сала и сушеной рыбы получил всесильный аристократ П. И. Шувалов. Его агенты платили промышленникам лишь половину рыночной цены за их продукцию. Например, пуд сала они покупали за 35—40 копеек, а продавали у Архангельска за 80.

В результате обеднения сократилось число жителей, имевших собственные суда и занимавшихся морскими промыслами. К тому же три роты кольских солдат (231 человек из них, по разрешению правительства, ходили на мурманские промыслы) в 1765 году перевели на службу в Архангельск. Казна не могла закупить нужное количество рыбы на продовольственное обеспечение войск, размещенных на Севере.

Поморское население было недовольно привилегией Шувалова, несколько раз посылало правительству прошения о прекращении действия монополии, но все оставалось по-прежнему, пока на троне не утвердилась Екатерина II.

В 1766 году императрица распорядилась создать представительную Комиссию для составления проекта нового Уложения (свода законов), с тем чтобы точнее определить права сословий в феодально-крепостническом государстве. Лопари избрали в Уложенную комиссию своего депутата — семиостровца Захара Петровича Маркова. Отправляя его в Москву, кильдинские лопари (32 ревизских души) 26 февраля 1767 года дали "наказ", в котором так обрисовали свое положение: "Написанные за нами по оладной книге реки Териберка, половина Колы, Средняя, Кулонга, и Орловка, с которых положено оброку в год по 26 рублей и 13 3/4 копеек, и во оных реках в прошедших годах сами не промышляли из кортомы (аренды) никто не брал, да и брать по скудости здешних обывателей стало некому. А на предь сего браны были у нас бывшими здесь Архангелогородского гарнизона трех рот служителей, и не токмо нам растают служить по договору плату чинили, но и вперед за те ловли денги давали, из которых тот оброк и подушные денги в казну Ее императорского величества платили бездоимочно. А ныне за неотдачею никому объявленных рек в оброк и по малоимению тяглых людей впали мы в немалую доимку и пришли во всеконечное разорение и нищету, и затем впредь... тех податей платить не в состоянии".

1 июля 1768 года последовал указ Екатерины II: "Отдать промысел сала и кож морских зверей, моржового зубья и рыбы трески промышленникам Архангелогородской губернии и всем тамошним обывателям в вольную и свободную куплю и продажу". Существованию монополий пришел конец, что значительно улучшило положение трудящихся масс Русского Севера.

Победно окончив войну с Турцией, царское правительство дало податному населению новые облегчения. Манифест 17 марта 1775 года отменил все оброки и сборы с промысловых заведений, судов, рыбных и птичьих ловель. Из государственных налогов осталась лишь подушная подать. Лопарей избавили от самой обременительной повинности — ямской гоньбы. Дорожные станции стали сдавать на торгах тем, кто добровольно соглашался возить грузы и людей по тракту за наименьшую плату.

По Учреждению в губерниях кильдинским лопарям в 1775 году отошли все старинные угодья, включая и те, которые принадлежали колянам по купчим грамотам. Вот перечень семужьих тонь, закрепленных за Кильдинским погостом (надеюсь, что это будет интересно тем, кто ныне живет на берегах Кольского залива и интересуется географическими названиями этих мест. — И. У.): на восточной стороне — Калдеева, Варничная, Семёнова, Любимка, Палакорна, Купчинка, Малафеевская, Пиногорева, Здоровой Ручей, Ереминская, Мохнаткина, Рослякова, Чолнопушка, Грязногубские острова, Никитина, Варламова, Ваеньга, остров Сальной, Крестова, Середняя, Антоновская, Тюва, Березова и Волокова; на западной стороне — Сайда-губа, Екатерининская гавань, Шуринова, Питькова, Щелейки, Реттиевская, Филинская, Иварей-наволок, Великая, Красная Щель, Кулонга, Мишуква, Салтановка, Кив-варака, Кондратова, Коневская, Ручьева, Никольска, Долга-пожня, Притыка и Елова. На этих 45 тонях ежегодно вылавливалось более тысячи пудов семги. Собственностью кильдинских лопарей считались и киты, выброшенные морем на берег в пределах их погоста. В недавнем прошлом они, разрубленные на части, доставлялись солдатами в "Кольскую промысловую контору его высокографского сиятельства Петра Ивановича Шувалова".

8. ДУХОВНЫЙ МИР

Лопари создали свою самобытную культуру. Они сложили множество устных произведений — сказок, божествов, преданий, песен, пословиц, поговорок. Некоторые из них, особенно песни на бытовые темы, обращались недолго, заменялись другими, но такие творения, как исторические предания, легенды, передавались из поколения в поколение. Они повествовали о борьбе лопарей с иноземными захватчиками, отразили действительные события прошлого, когда лопи приходилось защищаться от нападений грабителей-скандинавов. Согласно сказаниям, лопари побеждали своих врагов

(их собирательное название — "чудь") обычно не оружием, а хитростью и волшебством.

Легенды (ловты) кончанской лопи прославляли храброго Лаурекаша и других героев. Кроме чуди, грабил лопарей злой Сталло-иноземец, которому "от дьявола дана большая сила"; он являлся к лопарям в латах, вооруженный кинжалом, с собакой, мог "делаться оборотнем" и оживать после смерти.

События, о которых рассказывается в лопарских преданиях, всегда происходят в конкретной местности и содержат массу подробностей.

Лопарские представления об окружающем мире сохранили сказки о дочери Солнца Найнас, волшебнице Аадзь, человеке-олене Мяндаше. Занимательны сказки о разных животных, шаловливых и изобретательных на проказы карлика чаккли.

В лопарском фольклоре запечатлелось древнее мировоззрение обитателей Мурманского Севера — о божествах, сверхъестественных силах, загробном мире.

Ряд преданий связан с именем крестителя лопарей преподобным Трифоном. К ним примыкает миф о возникновении острова Кильдин: защитники языческого культа (нойды) сердились на Трифона и назло ему вздумали запереть Кольскую губу; отделив от материка кусок суши, они потянули его к вихру в залив, но стоявшие на берегу крещенные лопари, заметив это, закричали: "Земля! Земля!"; кричавшие окаменели, а земля остановилась на море и образовала остров Кильдин.

С принятием христианства духовный мир лопарей претерпел существенные изменения. Живя поблизости от кольского собора, кильдинцы посещали богослужения в церкви, слушали наставления священников, усваивали основные понятия православной веры и нормы христианской морали.

Лопари выказывали большое почтение иконам, ежегодно зимою (2 февраля) посещали могилу святого Трифона на Печенге. Ученый Н. Я. Озерецковский в 1771 году отмечал: "Многие из них по большому празднику приходят в Колу единственно для того, чтобы слушать божью службу. Усердие их к вере очень видно из того, что как 1 августа исполнено было на устье реки Колы водосвящение, то бывшие при том лопари в одежде бросались в воду и окунывались в ней из уважения к освященной сей стихии".

Считая себя христианами, лопари не расставались с языческими верованиями, жили по принципу "Богу молись, а черта не гневи". Путешественник М. А. Кастрен свидетельствует: лопарь-извозчик перед поездкой произносит молитву "Отче наш"; в каждом погосте имеется часовня, "чтоб перекреститься несколько раз перед иконой; в обыденной жизни лопари строго соблюдают предписания православной церкви, но они не имеют почти никакого понятия о духе и учении христианском... везде можно слышать рассказы о сейдах, то есть каменных кумирах... Жертвы им состояли по большей части из рогов и костей оленей".

Поклонение сейдам постепенно уходило из жизни, но еще в 1880 году коляне сообщали уездному исправнику, что у кильдинских лопарей близ речки Зарубихи были священные места "около Турунцовой и других пахт (скал) в тущобах", где можно видеть "кости животных, принесенных в жертву идолам".

В 1894 году в зимнем Кильдинском погосте образовали церковный приход, вскоре часовню перестроили в церковь и освятили ее во имя преподобного Трифона Печенгского. Летом в становище на острове Кильдин "для совершения богослужений и треб" приезжал особо командированный священник (в 1877—1886 годах — Константин Щеколдин). Одним из просветителей кильдинских лопарей являлся священник Георгий Терентьев, который ведал их с августа 1871 по февраль 1875 года, а потом служил кильдинским священником в 1899—1900 годах. Отец Георгий был выдающимся краеведом и защитником лопарей.

С середины XIX века в среду лопарей стали проникать школьные знания. Ежегодно несколько мальчиков из разных погостов обучались в Кольском приходском училище. В числе первых кильдинских лопарей получил начальное образование Павел Трофимович Дмитриев. В 1899 году в Кильдинской церковно-приходской школе учились девяти учащимися приходился на семнадцать жителей погоста.

Благодаря близкому соседству с Коллой, тесному общению с русским населением лопари постоянно обогащали свой духовный мир достижениями русской культуры. "Лопари, — отмечал инженер Б. А. Риппас в 1894 году, — народ веселый, развитый и деликатный... Лопарь не похож на дикаря... Он знаком с различными техническими успехами цивилизации, но они мало прельщают его".

Духовные власти выражали удовлетворение тем, что лопари, в отличие от кольских мещан и мурманских колонистов, "почти все без исключения исполняют христианский долг исповеди и святого причастия, и во время короткого, трех-четырёхмесячного пребывания при своей-чуждой церкви, с усердием поощают богослужения, чтут память преподобного Трифона, просветителя их предков, совершают паломничества в Печенгский монастырь".

Книг лопари почти не читали. На родном языке для них было издано только Евангелие от Матфея (в переводе с русского К. П. Щеколдина). В сентябре 1894 года Архангельский миссионерский комитет прислал в Кильдинский погост десять экземпляров этой книги.

(Продолжение следует.)

ОБОЗРЕНИЕ

КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Иван УШАКОВ, краевед

(Продолжение. Начало в № 156, 161—163.)

9. СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Лопари, как и русские крестьяне, жили общинами. Каждый погост являлся сельским обществом — низшей административной единицей с выборными старостой и десятскими. Несколько сельских обществ составляли волость.

Вопросы внутренней жизни лопарей решались на сходе (суйме) домохозяев — глав семей, живших единым хозяйством. Сельский сход распределял по душам рыбные ловли и другие промысловые угодья, часть общинных угодий сдавал в аренду сторонним людям, производил раскладку податей и сборов, назначал лиц для выполнения натуральных повинностей и распоряжений уездного начальства, определял суммы мирского капитала на различные нужды (обучение детей, лечение больных, провоз чиновников и священника, на содержание должностных лиц и т.п.), рассматривал споры между общинниками, решал массу текущих хозяйственных и общественных вопросов.

Наибольшим весом на сходе обладали старики и богатые лопари, но постановление (приговор) принималось большинством голосов. В старосты выбирались самые толковые и авторитетные мужчины.

Кильдинский погост входил в состав Кольско-лопарской волости. Выборные должностные лица (волостной старшина, его помощник, писарь, судьи, сельские старосты) подчинялись представителю царской власти, который в 60-70-х годах XIX века назывался мировым посредником, а затем чиновником по крестьянским делам.

Осенью 1867 года кильдинский сельский сход обсуждал предложение архангельского губернатора о переходе от полукочевого быта к оседлости. В это время правительство разрешило норвежцам селиться на Мурманском берегу с условием принятия русского подданства. Приморские земли Кильдинского погоста попали в зону колонизации пришлыми поселенцами. Царские власти, которые обычно не вмешивались во внутреннюю жизнь лопарей, стали пропагандировать преимущества оседлости сравнительно с полукочевым бытом. Лопарям обещали выдать ссуды (по 25 рублей на корову каждой семье) и бесплатный отпуск леса на постройку дома.

Обсудив на сходе предложение губернатора, кильдинские лопари (21 семья) согласились перейти к оседлости, но уездный исправник Красовский в донесении отмечал, что они "изъявили желание на это более из страха, так как наслышались, что правительство хочет продать их угодья норвежцам; при спросе моем кильдинских лопарей, как они думают поселиться, то они заявили мне: да по-прежнему, то есть где кто жил и чем занимался, так и будет жить, а только чтобы угодья считались за ними".

23 декабря 1868 года кильдинцы приняли на сходе решение основать постоянное селение в 20 верстах от Колы, при Грязной губе, а две семьи пожелали поставить дворы на реке Средней. Лопари заявили, что они "высочайше дарованными льготами воспользоваться не желают", но просят оставить их "в нынешнем своем обществе и на прежних правах, исключив избранную ими местность для оседлой жизни из числа колоний". Мировой посредник Нарушевич поддержал их просьбу, обосновывая ее тем, что энергичные пришельцы-колонисты "воспользуются неопытностью и слабостью характера лопарей, конечно, во вред лопарям". Побережья Кольского залива пока были оставлены во владении кильдинских лопарей.

Между тем каждый год на Мурман прибывали новые поселенцы. Колонисты занимали наиболее удобные для жизни и промысла места по Мурманскому берегу. В 1880 году на острове Кильдин поселился норвежец Юхан Эриксен и занялся скотоводством. К концу XIX века он имел 12 коров и стадо оленей. Семья его состояла из 5 сыновей и 7 дочерей. Русские шутку называли его кильдинским королем.

Коляне, лишённые в 1775 году семужьих ловель, завидовали кильдинцам, которым принадлежало 27344 десятины используемых угодий. "Ни одна населенная местность обширной нашей губернии, — писал в декабре 1880 года городской голова Михаил Хипагин, — не имеет во владении столько рыболовных угодий, как кильдинские лопари". Многие из колян хотели приписаться к Кильдинскому погосту, но сельское общество неуклонно отклоняло их прошения. Из русских являлись полноправными членами кильдинского общества только четыре семьи Кочуровых — потомки пугачевца Петра Кочурова, дети которого еще в конце XVI-II века были зачислены в "крестьян Кильдинского погоста".

Раздел угодий между общинниками происходил по уравнительному принципу. По отзыву крестьянского чиновника, "всякий получал по числу душ надел безобидный; зажиточным не дается никакого преимущества против несостоятельных". Лопари по опыту знали сравнительную ценность семужьих тонь и каждую из них приравнивали к определенному числу душ. Так, тоня Варламова давалась на 12 душ, Ваенга — на 8 душ, а Семенова (место, где в 1916 году возник Мурманский торговый порт) — только на 2 души, тоня Варничная — на одну душу, а тони Абрамова и Калдеева давались "на прибавок" к какой-либо малоуловистой тоне.

Однако сельские сходы, на которых распределялись эти угодья на очередное трехлетие, не всегда проходили гладко. Богатые, имевшие немало сторонников, нередко получали лучшие тони. В 1886 году грамотный лопарь Демид Неронин писал: влиятельные общинники привели лопарей "в опьянительное состояние, и тони лучшего достоинства поступили во владение тех лиц, кои гостеприимным угождением того заслуживали". Была недовольна и лопарка Марина Яковлева. После смерти мужа она осталась с двумя малолетними дочерьми. Угодья делились только на мужские души и ей, в виде исключения, по бедности, общество дало плохонькую тоню. Вдова подала жалобу чиновнику по крестьянским делам А. Н. Мухину. "Никакого удовлетворения, кроме насмешек, я получить не могу, — заявляла М. Яковлева, — общество наделило меня такую бесполезною тонею под названием "Красны Щельи", что я с трудом уловила одну маленькую семужку, и так в настоящее время остаюсь без куса хлеба... В обществе просьбам моим противодействуют более всего зажиточные лопари Афонасий Яковлев и Парфений Пьянов, а Александр Дмитриев и Афонасий Яковлев вытесняют меня из осеннего озерного улова рыбы, каковым угодьем муж мой покойный Иван Яковлев владел 13 лет".

При поступлении жалоб крестьянские чиновники вмешивались в дела общества и устраняли "притеснения" и споры между его членами.

Иногда происходили несогласия при распределении повинностей. В расчет также брались только мужские души. В соответствии с общегосударственным законодательством налогообложение менялось. В 1870 году, например, лопари платили с души: подушной подати — 1 рубль 25 копеек, оброчной подати — 2 рубля 42 копейки, земских сборов — 46 копеек, по рекрутской повинности — 75 копеек, по подводной — 78 копеек, на мирские нужды — по 2 рубля 44 копейки. Состоятельные общинники вносили платежи, падавшие на увечных, немощных и "совершенно бедных" людей, поэтому всех платежей "падало на каждую ревизскую душу по 13 рублей 42 с половиной копейки". Это более, чем стоимость двух хороших оленей.

(Окончание на 4-й стр.)

АВТОРИТЕТНЫ

КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Состоятельные общинники вносили платежи, падавшие на увечных, немощных и "совершенно бедных" людей, поэтому всех платежей "падало на каждую ревизскую душу по 13 рублей 42 с половиной копейки". Это более чем стоимость двух хороших оленей.

С 1887 года вместо подушной подати стали взиматься выкупные платежи. За 81 десятину "удобной земли" кильдинское общество вносило в казну 107 рублей 50 копеек выкупных платежей и 4 рубля 52 копейки в год лесного и поземельного налога.

14 апреля 1894 года кольский исправник В. И. Смирнов известил лопарей, что согласно решению правительства "Кольский залив до городских угодий отныне считается территорией Мурманского берега, и имеющие поселиться на берегах онога колонисты пользуются льготами, предоставленными колонистам Мурманского берега", то есть правом беспошлинной торговли, освобождением от государственных податей, рекрутской повинности и т. д. Колонистами могли стать и лопари. Вскоре в разряд колонистов поступили богатые и предприимчивые кильдинцы братья Дмитриевы. Они основали колонию Варламову, где построили дома и промысловое заведение. Павел Трофимович имел два карбаса, невод стоимостью в 50 рублей и сетки — в 150 рублей; для лова семги он нанимал 5—6 работников. Большой доход ему приносило стадо оленей в 500 голов. В 1899 году у него было уже более тысячи оленей; у Антипа Трофимовича — 700 оленей.

Кильдинское общество в 1897 году обратилось к уездному начальству с просьбой никого из лопарей не зачислять в колонисты, так как это наносит ущерб остальным общинникам: П. Т. Дмитриев "избрал для своего поселения местность Варламов, где существуют самые лучшие для промысла семги тони".

На берегах Кольского залива возникло 15 мелких колоний, в которых поселились преимущественно лютеране финны. Они образовали на землях Кильдинского погоста новое, колонистское Екатерининское общество.

Пришельцы, как и коляне, брали у кильдинцев уголья в аренду. Так, Т. Тикконен платил кильдинскому обществу за покосы на Торос-острове по 8 рублей 51 копейке в год, Е. Маттеро — по 12 рублей 60 копеек. Общая сумма денег, полученных обществом от сдачи угодий в аренду колонистам и колянам, составила в 1894 году 253 рубля 90 копеек.

15 декабря 1896 года кильдинское общество сдало в аренду торговцу А. И. Буторину земельный участок в местности Дровяное под строительство лесопильного завода с платой по 200 рублей ежегодно.

Сезонная смена мест рыбного промысла и занятие оленеводством не позволили кильдинцам перейти к оседлости. Они по-прежнему обитали вразброс и только на зиму собирались вместе. По описи 1904 года, летнее становье кильдинцев находилось в 8 верстах от Екатерининской гавани, а зимний погост — при Келчезере, в 12 верстах от города Колы. Здесь стояла деревянная церковь во имя преподобного Трифона, при ней два дома и баня местного духовенства. Лопарей числилось 226 человек (116 человек мужского и 110 женского пола). У них имелось 4780 оленей и 50 овец. В погосте насчитывалось 38 туп и 36 амбаров. Действовала школа, в которой обучалось 7 детей. Накануне первой мировой войны в Кильдинском погосте было 52 домохозяйства.

В 1906 году, во время выборов народных представителей в Государственную думу, лопари дали наказ депутату, в котором писали: "Мы просим оградить нас от самовольных поселенцев, промышляющих у нас рыбу, зверя, истребляющих ягельные тундры и сенокосы, рубящих лес и дрова... отменить право старшин и сельских старост арестовывать провинившихся перед ними на двое суток... Право отдавать незначительного хозяина (недоимщика) в работы по принуждению должно быть предоставлено только волостному суду". Сельское самоуправление и порядок распределения угодий лопари просили сохранить в неизменности.

(Окончание следует.)

АБОРИГЕННЫ КОЛЬСКОГО СЕВЕВЕРА

Иван УШАКОВ, краевед

(Окончание. Начало в № 156, 162, 163, 167.)

10. ОКРЕСТНЫЙ МИР

Внутреннее развитие лопарского общества в очень сильной степени зависело от воздействия окружающего мира.

В середине XVI века на Мурмане возник международный торг. Начались постоянные контакты лопарей с приезжими купцами. В результате товарообмена с русскими и иностранными торговцами хозяйственный строй лопарей изменился. Вместо примитивных, преимущественно каменных и костяных, орудий труда появились более производительные — металлические. Продав рыбу и пушнину, лопари приобретали также сельскохозяйственные продукты — ржаную муку, лен, пеньку. Натурально-потребительское хозяйство превратилось в полутоварное, тесно связанное с рынком.

Кильдинское взморье посещали суда разных стран. Здесь плавал, в частности, голландский исследователь Арктики Виллем Баренц, по имени которого Мурманское море получило свое нынешнее название. 15 (25) августа 1597 года кильдинский лопарь провел в Колу спутников Баренца — знаменитого капитана Якова Гемскерка и его товарища, возвращавшихся с зимовки на Новой Земле. В дороге лопарь убил из ружья куропатку, зажарил птицу на костре и угостил ею иноземцев.

Воды Кольского залива в старину изобиловали китами. 8 ноября 1723 года Петр I издал указ о создании Кольского китоловства. На Двине были построены три китобойных корабля. В Кольском заливе, близ острова Олений, "для зимовья и починок кораблей" выбрали удобную бухту, которую в честь жены Петра I называли Екатерининской гаванью. Здесь соорудили "компанейский двор" с четырьмя "сальными ямами" и котлами для вытопки жира, две жилые избы "с сеньми", кузницу, склады и служебные помещения. Предприятие по неумелому ведению дел оказалось убыточным и в 1731 году закрылось. Как воспоминание о начинании Петра I изображение кита в 1781 году появилось на гербе города Колы.

В 1803 году в Екатерининской гавани обосновалась Беломорская компания — крупное зверобойное и рыболовное заведение, созданное поморскими купцами при поддержке правительства. Но компания не повезло. В мае 1809 года, во время обострения отношений между Россией и Великобританией, три английских военных корабля подошли к острову Кильдин и стали разорять промысловые становища Мурмана. 50-пушечный корвет полностью разграбил базу Беломорской компании в Екатерининской гавани, а затем англичане на трех катерах совершили набег на Колу. Кильдинские лопари с морских промыслов разбежались и укрылись по тундрам. Земский исправник Петр Юнонин, выезжавший на Мурман для выяснения обстановки, 28 июня 1809 года доносил: "Англичанами в Кильдине промышленничьи избы или станы, анбары с солью и прочим, равно и часовня, сожжены; святыя ж образа из той часовни англичанами увезены с собой". В 1813 году Беломорская компания прекратила свое существование.

В 1822 году Кильдинское становище, которое англичане "сравнили с землею", осматривал известный путешественник Ф. П. Литке. Он был крайне возмущен "гнусным поступком" англичан. "Сжечь, разорить... скудный приют мирных, безоружных рыбаков — есть подвиг, которым бы погнушался и норман IX века", — писал Литке. А это творили "военные суда первой мореходной державы — державы, славящейся наибольшим просвещением, правосмыслием и человеколюбием! Кто бы мог подумать?"

Существенно пострадали кильдинские лопари также и в 1854—1855 годах, когда в результате операций англо-французской эскадры мурманские промыслы были парализованы, а Кола, где кильдинцы закупали нужные им товары, сожжена. Уездным центром стала Кемь. Русская административная власть на Мурмане ослабла. Участились притеснения лопарей выходцами из Норвегии.

Лопари не имели склонности к дальним странствиям, редко покидали родную Лапландию. Но такие случаи все-таки бывали.

В 1781 году к генерал-губернатору А. П. Мельгунову явился кильдинский лопарь Яков Захаров, который "объявил: в 1777 году отлучился он из города Колы с данным пашпортом в Санкт-Петербург и, будучи там, вступил в матросскую партикулярную службу к купцу Фомину, а от него на российском судне отправлен в Лондон,

но, не дошед до него, с прочими матросами взят английских кораблей фицерами насильно в морскую службу, которую в разных местах на море и продолжал, а потом в прошлом 1780 году в октябре месяце, получа в Лондоне о свободности своей пашпорт, возвратился из-за границы в отечество и желает ныне записаться в архангелогородское мещанство". Яков Захаров в Кильдинский погост не возвратился: на правах мещанина поселился в Архангельске.

В 1860 году в Петербург отправился кильдинский лопарь Павел Михайлович Зубов. В столице он ходатайствовал "о воспрещении селиться на Мурманском берегу беглым преступникам из Норвегии и вообще иноземцам, которые захватывают лопарские промысловые угодья". Зубову покровительствовали адмирал Ф. П. Литке и крупный промышленник М. К. Сидоров. Кильдинского лопаря приглашали на заседания Вольного Экономического общества и Общества для содействия русской промышленности и торговле. Павел Зубов также не возвратился в свой погост. Он умер 30 июля 1874 года в Петербурге и похоронен на Смоленском кладбище. Свое состояние (502 рубля 34 копейки) он завещал употребить на открытие мореходной школы в Печенгском приходе.

В 1879 году в Москву на Антропологическую выставку как живые экспонаты, представители "лопарского племени", ездили в национальных костюмах, с зыбкой (колыбелью) кильдинцы Парфений Александрович Пьянов, 47 лет, и вдова Авдотья Никифоровна Антонова, 46 лет, с ребенком.

В землях кильдинских лопарей бывали многие замечательные люди: М. В. Ломоносов, Н. Я. Озерецковский, М. Ф. Рейнке, С. В. Максимов, Н. Я. Данилевский, Вас. Ив. Немирович-Данченко, А. И. Кельсиев, К. К. Случевский, С. И. Мамонтов, С. Ю. Витте, К. А. Коровин, Н. М. Книпович, С. Н. Дурылин и другие.

Почти все посетители Кильдинского погоста лестно отзывались о его обитателях. Русский консул в Северной Норвегии (позднее архангельский вице-губернатор) Д. Н. Островский рассказывает: "В губе Китовке в 1888 году встретил кильдинских лопарей. Я был поражен опрятным их видом, их жилищ и вполне свободною, правильною русскою речью. Зимой эти лопари живут близ Колы в так называемом Кильдинском погосте, благосостояние которого, по отзывам людей знающих, далеко превышает благосостояние самого города Колы. Летом они приходят в Китовку промыслять рыбу... Нам отвели в одной из туп чистую комнату в два окна, подали самовар, чайник, чашки, сливки; хозяйка сварила прекрасную уху из семги. Во время нашего чаепития в комнату собралось более десятка лопарей, одетых в черного сукна сюртуки, такие же панталоны, ботинки и пуховые шляпы. Некоторые имели при себе серебряные часы. Они пришли повидаться с моим спутником, а их старым другом, священником Щеколдиным. Они подали нам руки, чинно уселись на лавки и долго и подробно расспрашивали г. Щеколдина об его жизни в теперешнем Пазрецьком приходе. Затем гурьбой проводили нас в станционную лодку... При отъезде нашем лопари, стоявшие на берегу, сделали нам прощальные выстрелы из ружей".

Глубоководная Екатерининская гавань все более и более привлекала внимание правительства. В южной ее части в 1889—1891 годах возникла стоянка административного парохода "Мурман". Здесь построили причал, жилой дом, сараи для хранения каменного угля, кузницу и мастерские. В 1896 году казна, по предложению министра финансов С. Ю. Витте, приступила к сооружению "коммерческого порта" и нового уездного центра. Город, основанный при Екатерининской гавани, получил название Александра III, поручившего Витте изыскать место для создания порта на Мурмане. Город был торжественно открыт 24 июня 1899 года. Ныне называется Полярный.

В годы первой мировой войны в землях Кильдинского погоста появился город Романов-на-Мурмане, названный по фамилии последнего российского императора Николая II. Официальное открытие города состоялось 21 сентября 1916 года. После падения царизма молодой город переименовали в Мурманск. Кильдинское взморье стало театром военных действий. В Кольском заливе размещался Отряд судов флотилии Северного Ледовитого океана. Торговый порт принимал грузы. Более 12 тысяч пришлого люда обжили некогда тихие берега — владения кильдинских лопарей.